

В ЭЛЕКТРИЧКЕ. возвращавшейся в Ригу, было тесно. В воздухе висело раздражение. А тут еще этот увалень, широко рассевшийся на самом проходе! Этаким заядлым рыбаком в толстенной шубе при всех промысловых атрибутах расположился на своем большем ящике, словно перед ним ледяное поле.

Протискиваясь мимо рыбака, пассажиры ворчали:

— Сидит тут, как на рыбалке...

— Совесть надо иметь, полвагона занял!

Человек молчал, уткнув нос в меховой воротник. Огромная ушанка надвинута на самые брови. Его молчание еще более раздражало публику. Реплики, казалось, должны были вывести из себя даже самого закоренелого флегматика.

— Эй, рыбак, приберика ноги, пока я тебе их не оттоптал!

Рыбак, наконец, поднял лицо. И на пассажиров взглянули такие знакомые озорные глаза! И такая веселая улыбка осветила полумрак вагона! И все вдруг почувствовали угрызения совести:

— Извините, мы ведь не знали, что это вы... Да сидите, сидите же спокойно, кому вы тут можете мешать?!

Эффект узнаваемости сработал сразу и точно. Улыбающийся рыбак — это же, конечно, он, Эдуард Павул, любимый артист, хорошо знакомый всем этим людям. И как, в самом деле, неудобно получилось, что к такому уважаемому человеку привязались ворчливые пассажиры...

Но Павул и не думал обижаться. Наоборот, вся эта сцена доставила ему истинное удовольствие. И завязался веселый разговор о жизни, о рыбалке, об искусстве.

Такие беседы возникают часто на рижских улицах, на тенистых аллеях Межапарка, в фойе кинотеатра, словом, везде, где собираются люди. Народный артист Латвийской ССР Эдуард Павул чувствует себя среди них просто превосходно.

Никто и не думает, что в такие минуты для артиста продолжается творческая работа: автоматически, по давно сложившейся привычке он фиксирует какие-то мельчайшие частицы бытия, черточки характеров, поведения людей. Все это складывается в сокровищницу творческой памяти. Может, пролежит в ней очень долго, но потом, когда забудут, все-таки выплывет на поверхность, станет очередной «находкой» в очередном сценическом исследовании, совершаемом Павулом. И вот даже сейчас, репетируя главную роль в шатровских «Синих конях на красной траве» в своем родном Художественном театре им. Я. Райниса, он ищет ответа на вопрос вопросов: как передать со сцены свое отношение к ленинской мудрости? Он ищет и в тиши музейных экспозиций, и в исторических фолиантах, и в творческом опыте коллег-предшественников, игравших Ленина, но прежде всего именно здесь, среди обыкновенных людей, общение с которыми и рождает его вдохновение.

Он прост, в этом его несметная сила. Он ненавидит «артистов в жизни», которые умеют эдак торжественно «нести себя» как чрезвычайную драгоценность среди обыкновенных людей. Он сам обыкновенный, ему дорога обыкновенная жизнь в искусстве. Но как ее разгадать?

...Вот мы сидим с ним, между нами магнитофон в полной боевой готовности. Эта встреча ожидалась очень долго, чуть ли не два года. Павул всеми силами старался отодвинуть ее.

— Терпеть не могу давать интервью, — говорит он, — зачем только это делается? Почему вы не берете интервью у почтальона? Или у билетерши? Что, менее романтично? Пресловутая эта романтика театра, которую выдумали, которой вовсе нет в профессии актера... Театр — это отнюдь не храм и никакое не чудо. Это работа, работа. Пот, обмороки и снова работа. И если ты слаб душой или телом, уходи, уноси ноги, ищи себе другое пристанище. Театр беспощаден, он не терпит слабых...

Эдуард Смильгис. Это был форменный «деспот». Но без таких людей развитие сценического искусства просто невозможно. Это он создал актера Павула. Понял в юном артисте то, что тот сам в себе не понимал. Вчерашний школьник Эдуард Павул был уверен, что он сможет в лучшем случае играть только деревенских парней, простодушного «пуйку». А Смильгис сказал:

— Будешь играть Ромео. Эдик совсем приуныл. Уж лучше бы просто выгнал, чем позорить, вести к явному провалу. Но Смильгис был крут и непреклонен. И Павул сыграл Ромео. Он был тогда молод. И победила-то, в сущности, его молодость.

Смильгис очень любил его, верил в него. Но только теперь, через многие годы, когда учился уже давно нет, Павул понял, чего он от него ждал, когда бушевал, метался на своих незабываемых репетициях. И только теперь Павул понял, как мало для артиста иметь привлекательную внешность...

В кино первым его режиссером был Леонид Луков. Снималась картина по роману Лациса «К новому берегу». Эдуард Павул играл маленькую роль и страшно вол-

люди искусства

Обыкновенное в необыкновенном

Ольга МАКАРОВА

новался. А Луков требовал не меньше, чем Смильгис.

Потом появился тонкий и нежный учитель — Леонид Лейманис. Он был по-матерински терпелив и деликатен. Он сам был большим актером и понимал тоску артиста, идущего иной раз на ощупь, в потемках. Он умел будить в артисте собственную музность. И трудно теперь разграничить, что было найдено им, режиссером, что — самим Павулом в его волевым Капитане Нуле или в доверчивом, простодушном Сутке в замечательной ленте этого большого художника — «Эдгар и Кристина».

Смильгис убил в Павуле «неактера», сломал его приращенную скованность, робость, застенчивость. Леонид Лейманис щедро поделился с Павулом изысканной тонкостью своих душевных изгибов, разбудил в нем земную красоту, человечность. Если Смильгис вдохнул в его душу силу, то Лейманис отшлифовал его чувства.

Режиссер должен быть рядом, режиссер должен быть верным другом.

— Вот, скажем, мы, актеры, — рассказывает Павул, — сидим, пьем чай и спорим. Мы ведь всегда говорим только о театре и всегда спорим. И вот противоречия достигают кульминационной точки. Что тогда? Тогда мы бежим к своему режиссеру, будим его — ведь уже глухая ночь — поднимаем с постели и требуем: рассуди нас, кто из нас прав? И он тут же включается в нашу потасовку. Ему это интересно и важно. Он скажет свое веское слово. И уж как скажет, так и порешим. Потому что кто может быть мудрее режиссера!

Вот уже несколько лет Павул работает с Арнольдом Линьнем. Режиссер по возрасту моложе артиста. А Павул такой актер, который должен верить режиссеру, безоговорочно признать его приоритет. Не сразу они сроднились, поняли друг друга. Линнь вспыльчив, горяч. А Павул друзья называют тяжелодумом. Ему обязательно нужна временная дистанция, чтобы он «уложил» в себя характер своего героя, или, вернее, вложил свое «я» в «я» совсем иного человека, жизнью которого ему предстоит жить на сцене. Линнь нетерпелив, а Павул медлителен. Добросовестность Павула иногда кажется доведенной до абсурда. Он наотрез отказывается от интересных ролей, если не уверен, что найдет к ним ключ. Он всегда, не торопясь, но верно идет к цели, не терпит подстегивания, форсирования.

Они шагают теперь уже рядом — режиссер Линнь и артист Павул. Они вместе и порознь, дни и ночи думают о будущем спектакле. И не только они. Вся труппа живет в эти дни поисками и ожиданиями. «Синие кони на красной траве» — конечно же, это очень серьезно.

Павул считает, что грим артисту необходим. Не тот, старомодный, скрывающий лицо, делавший его неузнаваемым. Но изысканный, легкий «глянец»... Но еще важнее найти самое главное в моральном складе, этической доминанте своего героя. Это, конечно же, скромность, помноженная на сценическую работоспособность и требовательность к себе.

Павул снова и снова вспоминает детство, отца. Он был рыбак, его незабвенный отец. Эдуард сын рыбака не только на экране, но и в жизни. Сын морского пролетария, который не имел ниче-

го, кроме отваги и мускулов.

Отец учил его работать. Копать землю. А его, мальчишку, гораздо больше привлекал футбол.

— Всякое дело надо делать хорошо, — говорил отец. — Всякое. Понял? Вот пока не вскопаешь эту грядку хорошо, никакого футбола не будет.

И Павул привык всякое дело делать хорошо. Выкладываться полностью, не хитрить, не припрятывать силы на черный денек. Так учил отец. И отцовский завет нужен ему сегодня, когда он думает о беспощадной работоспособности Ленина, больше чем когда бы то ни было.

Но где найти краски, чтобы воссоздать на сцене образ простого, доступного, «легкого» в общении человека, каким видит его Эдуард Павул? Вождь — это огромно. Вождь революции — того более. Вождь рабочего класса, вождь пролетарской революции — это особый, ни с чем не сравнимый масштаб личности. И ее сложнейшая простота.

И снова источником вдохновения служат заповеди отца. Он был красным латышским стрелком. Служил в охране Ленина. Видел Ильича не раз. Рабоче-крестьянский вождь — деятель и брат, деятель и друг, к которому можно прийти с любой тревогой. Который доверял людям, умел их слушать и понимать.

...Ищет, ищет решения артист Павул. Неустанно ищет. Отсюда и боль его, и злость. Отсюда и его упрямство, непокорность, которые далеко не все ему прощают.

Он сыграл, наверное, до сотни ролей в театре и кинематографе. Он их не считает, не ведет послужного списка. Он вообще не любит копаться в воспоминаниях. Ему кажется, что все, что он сделал, можно было сделать лучше. Хотя его роли — веки в латышском советском искусстве. И его мужественный Оскар из «Сына рыбака», и отважный, незнающий уныния Пипар («Повесть о латышском стрелке»), и простодушный, мечтательный Оле («Оле Бинкоп»). Как и его трагикомические образы — словно кусок чернозема, ароматный и плотный Папаша Тук («Стрелы Робин Гуда»), неистовый максималист, певец сценической паузы, до мозга костей преданный театру Джим Лонгтон (фильм «Театр»). Целая галерея отцов из рабочих семей. Ни один из них не повторяет другого, но все чуть-чуть похожи на отца Эдуарда, старого рыбака Павула...

Добрый, человечный талант ищет зрителя простого, доверчивого, не шумного. Понимающее молчание зрительного зала ему куда дороже оваций.

— Я не из породы принцев, — говорит он, полушутя. — Ромео, Гамлет... Я играл их, хотя мне было мучительно трудно. И если бы не молодость, которая была моей палочкой-выручалочкой, я, наверное, не оправдал бы буйных надежд самого Смильгиса. Теперь, умудренный опытом творческих десятилетий, я, кажется, способен понять глубину, и боль, и гордый бунт Гамлета. Я играю обыкновенных людей. Это мое призвание. И самый обыкновенный в своей гигантской необыкновенности — образ Ленина, с которым не расстанусь ни днем, ни ночью.

РИГА.

● Народный артист Латвийской ССР Эдуард Павул. Фото А. Рубашкина.